

СВЯЗЬ ВНЕ ЗОНЫ

И.С. Эхо

И. С. Эхо

Связь вне зоны

«Автор»

2026

Эхо И. С.

Связь вне зоны / И. С. Эхо — «Автор», 2026

Они учатся в одной школе, но в разных классах. У каждого — свои проблемы: непонимание родителей, травля, одиночество и страх, о котором не расскажешь никому. Однажды в их руки попадают старые вещи, которые помнят то, что люди предпочли бы забыть. И с этого момента привычный мир начинает трескаться по швам. Мистическая драма о подростках, их ошибках и о том, что прошлое никогда не молчит слишком долго. Для тех, кто помнит, что тишина иногда громче слов.

© Эхо И. С., 2026

© Автор, 2026

И. Эхо

СВЯЗЬ вне зоны

Эхо И.С.

СВЯЗЬ ВНЕ ЗОНЫ

Мистическая драма о молчании, которое громче слов.

© Эхо И.С., 2026

16+

Они учатся в одной школе, но в разных классах. У каждого — свои проблемы: непонимание родителей, травля, одиночество и страх, о котором не расскажешь никому. Однажды в их руки попадают старые вещи, которые помнят то, что люди предпочли бы забыть. И с этого момента привычный мир начинает трескаться по швам.

Мистическая драма о подростках, их ошибках и о том, что прошлое никогда не молчит слишком долго.

Для тех, кто помнит, что тишина иногда громче слов

Глава 1. Аня

Квартира Мельниковых находилась на четвёртом этаже панельной девятиэтажки, в самом конце длинного коридора, где лампочка мигала уже третий месяц. Родители говорили, что «надо написать в управляющую компанию», но никто не писал. Аня привыкла: подходишь к двери — и сначала темнота, потом щелчок, потом тусклый жёлтый свет, который никогда не доходил до угла с велосипедом.

Внутри пахло свежесваренным кофе и маминым парфюмом — тяжёлым, сладковатым, с ноткой чего-то аптечного. Этот запах Аня помнила с детства. Он означал, что мама дома, что мама в форме, что мама всё контролирует.

— Аня, ты вовремя, — сказала мама из кухни, даже не обернувшись. Она стояла у плиты в фартуке поверх деловой блузки, помешивала что-то в кастрюле и одновременно смотрела в телефон, прикрепленный к холодильнику на магнитике. — Мой руки и садись. Папа через десять минут придёт.

Аня сняла кроссовки — серые, с протёртой подошвой, купленные в прошлом году на распродаже, — и поставила их ровно на полку. Она прошла в свою комнату. Кровать у стены, письменный стол у окна, шкаф с зеркалом, на стенах — рисунки. Много рисунков. Лисы, птицы, какие-то фантастические города. Аня рисовала всё, что приходило в голову, и вешала на стену, потому что обои были старые, в мелкий цветок, и родители не разрешали их менять.

Она села на кровать, вытащила из рюкзака тетрадь по геометрии и открыла последнюю страницу. Лиса была почти готова — рыжая, с пушистым хвостом, с хитрыми глазами. Аня рисовала её три дня, урывками, между уроками и домашкой.

— Аня! — позвала мама. — Ты слышала?

— Слышала, — сказала Аня, хотя не слышала.

Она убрала тетрадь, вышла на кухню. Папа уже пришёл — большой, в рубашке, с папкой под мышкой. Он сидел за столом и смотрел в телефон. Мама ставила тарелки.

— Как дела в школе? — спросил папа, не поднимая глаз.

— Нормально.

— Контрольная по химии была?

— В среду.

— Готовилась?

— Да.

Папа кивнул и вернулся в телефон. Мама поставила перед Аней тарелку с супом и села напротив.

— Мы с папой посоветовались, — сказала она. — И решили, что пока ты не подтянешь учёбу, телефон тебе не нужен.

Аня замерла с ложкой в руке.

— В смысле?

— В прямом. Ты в десятом классе. Через год — ЕГЭ. А ты рисуешь в тетрадях и витаешь в облаках. Мы не против твоего хобби, но всему есть время и место.

— Я не витаю.

— Аня, — сказал папа, отрываясь от телефона. — Не спорь с мамой.

Мама положила на стол кнопочный телефон. Чёрный, потёртый, с антенной-пеньком.

— Это тебе. Звонит — и хватит. Нам с папой нужно знать, где ты.

Аня взяла телефон. Он был тяжёлый, как кусок мыла. Экран маленький, чёрно-белый, с зелёной подсветкой.

— Серьёзно? — сказала Аня. — Он же древний.

— Он рабочий, — отрезала мама. — И, в отличие от айфона, он не отвлекает.

После ужина она ушла в комнату, закрыла дверь и села на подоконник. За окном был двор — детская площадка с качелями, фонарь, лавочка. Аня достала новый телефон и нажала

кнопку. Экран загорелся зелёным. В контактах было пусто. В сообщениях — пусто. В черновиках — пусто. Аня вздохнула и закинула телефон на кровать.

Утром в школе было серо и людно. Аня пришла за десять минут до звонка, разделась, переобулась и пошла к шкафчику. Пахло мокрой обувью, дешёвым кофе из автомата и хлоркой.

На литературе обсуждали «Героя нашего времени». Аня смотрела в окно и думала о том, что вечером опять придётся отчитываться: где была, с кем, почему не позвонила сразу после школы.

После урока к ней подошла Даша — невысокая, с короткой стрижкой и вечным рюкзаком на одном плече.

— Ты чего такая? Тебя как будто подменили, — сказала Даша.

— Телефон забрали, — сказала Аня. — Вместо него дали вот это.

Она показала кнопочный телефон. Даша прыснула.

— Это чё, из музея? У меня у бабушки такой был. Ты теперь как в нулевых.

— Ага. Кринж полный.

Они вышли из кабинета. В коридоре у окна стояла Вика из «А» — высокая, с длинными светлыми волосами, с дорогим рюкзаком.

— Ты видела её свитер? — громко сказала Вика, кивая в сторону Леры, которая стояла в двух шагах и делала вид, что ищет что-то в рюкзаке. — Это кринж. Как из 2010-го вылезла. И ещё эта её сумка. Она вообще понимает, что над ней весь класс ржёт?

Лера не поднимала головы. Уши у неё горели. Аня видела это. И Вика видела. И весь коридор видел.

Аня хотела сказать: «Вика, закрой рот». Хотела. Но не сказала.

На физкультуре их класс объединили с «Б» на эстафету. Аня стояла в конце строя и смотрела, как ребята из параллельного разминаются. Один из них — высокий, в серой худи, с часами на руке — вдруг поднял голову и посмотрел прямо на неё. У него были тёмные волосы, коротко стриженные, и глаза, которые Аня не сразу смогла описать. Не злые, не добрые. Просто внимательные.

Аня не отвела взгляд сразу. Они смотрели друг на друга, наверное, целую секунду. Потом он моргнул и отвернулся, как будто ему стало неловко.

— Это кто? — спросила она у Даши.

— Егор Соколов. Из «Б». Нормальный вроде. Не токсик. Но и не высовывается.

Вечером она сидела дома, рисовала лису и думала о том, что завтра опять школа, опять контрольная по химии, опять родительский чат. И ещё она думала о Егоре Соколове, хотя совсем не хотела.

Глава 2. Егор

Квартира Соколовых была на втором этаже, в старом доме без лифта, с высокими потолками и скрипучими полами. На лестнице всегда пахло кошками и жареной картошкой.

Егор проснулся за десять минут до будильника. Он лежал в постели, смотрел в потолок и слушал. На кухне было тихо.

Он встал, натянул серые штаны и худи, зашёл на кухню. Мать спала за столом — голова на руках, перед ней остывшая чашка чая, на полу бутылка. Не одна. Егор собрал их в пакет, вынес в мусоропровод, открыл окно.

В дверь позвонила соседка тётя Люда — маленькая, в халате, с вечным пакетом в руках.

— Егор, мама дома?

— Спит, — сказал он и улыбнулся. — Приболела.

— Ага. Приболела, — протянула тётя Люда так, что Егор захотел закрыть дверь.

Но не закрыл. Стоял и улыбался, пока она не ушла.

Он вернулся в комнату, взял рюкзак, надел часы отца. Простые, механические, с потёртым ремешком. Отец умер, когда Егор был маленьким. Так говорила мать. Иногда говорила другое — что ушёл. Егор давно перестал понимать, где правда.

В школе было проще. В школе он был Егор Соколов — нормальный чел, не отличник, не хулиган, без кринжа.

В раздевалке Никита толкнул его плечом:

— Ты чё смурной? Опять мать?

— Нормально. Выспался плохо.

— Жиза. Меня батя вчера душил из-за контроши. Говорит, если не сдам, наймёт репетитора. В десятом классе. Кринж.

— Жесть, — согласился Егор.

На втором этаже у кабинета литературы стояла Вика из «А» и громко обсуждала Леру.

— Ты видела её свитер? Это кринж. Как из 2010-го вылезла.

Лера стояла в двух шагах и делала вид, что ищет что-то в рюкзаке. Уши горели.

Егор прошёл мимо. Мог сказать: «Вика, закрой рот». Мог просто встать рядом с Лерой. Но прошёл, потому что если влезть — начнут спрашивать. А если начнут спрашивать — докопаются до него. До матери. До бутылок.

На физкультуре их класс объединили с «А» на эстафету. Егор стоял в строю, смотрел в пол, слушал, как Никита ржёт над чьей-то кроссовкой. Потом поднял голову.

В конце строя параллельного класса стояла девушка. Невысокая, с растрёпанным хвостом, в тёмно-зелёной футболке. Она смотрела прямо на него.

Егор не отвёл взгляд сразу. Потом моргнул и отвернулся.

— Это кто? — спросил он у Никиты.

— Аня Мельникова. Из «А». Тихая такая. Рисует всё время. Говорят, родители её контролируют жёстко.

Вечером он делал уроки, слушал, как мать на кухне разговаривает с кем-то по телефону — громко, с надрывом. Потом послышался звон стекла.

Егор надел наушники и включил музыку погромче. Часы на руке тикали. Обычные часы. Простые. Отцовские.

Глава 3. Столовая

Столовая в их школе была местом особенным. Там решалось всё. Кто с кем сидит, кто кому кивнул, кто кого не заметил.

Аня пришла на большой перемене одной из первых. Она взяла суп, котлету и компот, поставила на поднос и огляделась. Свободных столов было мало. Она заметила свободное место в углу, у стены. Там уже кто-то сидел — парень в серой худи, с подносом, на котором была только чашка чая. Егор Соколов.

Аня на секунду замешкалась. Но ноги уже несли её к столу, потому что других мест не было, а стоять с подносом посреди столовой — это кринж.

Она поставила поднос напротив него.

— Можно?

Егор поднял голову. У него были тёмные глаза, внимательные, как тогда в спортзале.

— Ага. Садись.

Аня села. Молчание было неловким. Не тяжёлым, а именно неловким.

— Ты из «А», да? — спросил Егор, не поднимая глаз от телефона.

— Ага. А ты из «Б».

— Ага.

Снова молчание. Аня откусила котлету. Котлета была сухой, как подошва.

— У нас физра спаренная была, — сказала она. — Ну, в понедельник. Ты на эстафете бежал.

— Ага. Плохо бежал.

— Нормально. Ты третий пришёл.

Егор наконец поднял на неё глаза. В них что-то мелькнуло — удивление? — и тут же исчезло.

— Ты считала?

— Ну а чё, делать нечего было. Я в конце строя стояла, мне всё видно.

Он хмыкнул.

— А ты чё не бежала?

— Бежала. Второй забег. Пришла последняя.

— Поздравляю.

— Ага. Спасибо.

Они снова замолчали. Но теперь молчание было другим — не таким колючим.

— Ты всё время рисуешь, — сказал вдруг Егор.

Аня чуть не поперхнулась.

— Ты заметил?

— Ну. У тебя тетрадь в руках была. На физре. И на литературе, я мимо проходил, видел — ты что-то черкала.

— Это лиса, — сказала Аня и тут же пожалела. Звучало по-детски.

— Лиса?

— Ну да. Я рисую лис. И птиц. И всякое.

Егор кивнул. Серьёзно так, как будто она сказала что-то важное.

— Круто, — сказал он.

— Что?

— Ну, что рисуешь. У меня так не получится. Я в палочках и кружочках путаюсь.

Аня улыбнулась. Впервые за долгое время — по-настоящему.

— Это не сложно. Просто надо смотреть.

— На что?

— На всё. На то, как свет падает. У тебя вон часы на руке — у них ремешок потёртый, а стекло в царапинах. Значит, ты их давно носишь. И не снимаешь. Я бы такое нарисовала.

Егор посмотрел на часы. Потом на неё. И Ане показалось, что он хочет что-то сказать, но не решается.

— Это отца, — сказал он наконец. — Он умер. Давно. Остались часы.

— О, — сказала Аня. — Прости.

— Да не, нормально. Я их не помню даже. Так, просто ношу.

Он сказал это спокойно, без надрыва. Просто факт. Аня кивнула и не стала спрашивать дальше.

Звонок прозвенел неожиданно. Егор допил чай и встал.

— Ладно. Погнали.

— Ага.

Они вышли из столовой. У лестницы их пути разошлись.

— Спасибо, что подсела, — сказал вдруг Егор. — А то я как дурак сидел один.

Аня пожала плечами.

— Не за что. Там просто мест не было.

— Ага. Ну, пока.

Она пошла вниз по лестнице и поймала себя на том, что улыбается.

Глава 4. Лера

Лера Смирнова училась в «А» с первого класса. Она была тихой, незаметной, с длинными русыми волосами и вечным рюкзаком, который висел у неё на одном плече.

Вика не любила таких. Травля началась с мелочей. Сначала Вика комментировала её одежду — «кринж», «как из прошлого века». Потом перешла на внешность. Потом — на вещи.

В среду на большой перемене Вика превзошла себя. Они стояли у шкафчиков в коридоре второго этажа. Лера открывала свой — маленький, металлический, с наклейкой в виде кота.

— О, Лерка. Ты чё, опять в этом свитере? Он же тебе велик.

Лера промолчала.

— Ты чё молчишь? Тебе говорят.

— Отстань, — сказала Лера тихо.

— Что? — Вика приложила ладонь к уху. — Я не расслышала. Повтори.

— Отстань.

Вика засмеялась. К ней присоединились две её подруги.

— Слышали? Она сказала «отстань». Лерка, ты чё, бунтуешь? Это кринж.

Лера закрыла шкафчик и попыталась пройти мимо. Вика шагнула в сторону, перегородив путь.

В коридоре уже собрались люди. Аня шла с литературы, с тетрадью в руках, и увидела всё это издаലെка. Она остановилась.

Могла пройти мимо. Могла отвернуться. Но что-то внутри неё не дало ей пройти.

Она подошла.

— Вика, отстань от неё.

Вика обернулась.

— Чё? Ты кто такая?

— Я Аня. Из твоего класса. Оставь Леру в покое. Она тебе ничего не сделала.

— А ты у нас теперь защитница? — Вика сделала шаг к ней. — Смотрите, Мельникова заступилась. А ты знаешь, что будет, если ты продолжишь?

— Что? — Аня смотрела прямо на неё, хотя колени у неё дрожали. — Расскажешь всем, что я странная? Что я рисую в тетрадях? Что у меня телефон из музея? Ну давай. Мне пофиг.

Это было неправдой. Ей было не пофиг. Совсем. Но она сказала это так, как будто ей было всё равно. И Вика на секунду опешила.

— Ладно, — сказала она. — Валите обе. Мне с вами скучно.

Она развернулась и ушла. Лера стояла у шкафчика и смотрела на Аню. Глаза у неё были влажные.

— Спасибо, — сказала она тихо.

После уроков Аня сидела на лавочке во дворе школы. Она достала тетрадь и начала рисовать. Лису.

— Можно?

Она подняла голову. Егор стоял рядом, с рюкзаком на плече.

— Ага. Садись.

Он сел на другой конец лавочки.

— Я видел, что ты сделала, — сказал он. — С Викой.

— Ну да. Не я одна, вообще-то.

— Нет. Только ты.

Аня пожала плечами и продолжила рисовать.

— Я тоже стоял, — сказал Егор тихо. — Я всегда стою. Смотрю и стою.

— Почему?

— Не знаю. Боюсь, наверное. Что если влезу — начнут спрашивать. А если начнут спрашивать — докопаются.

— До чего?

Егор молчал.

— Да так, — сказал он. — Есть до чего.

Аня не стала давить. Они сидели рядом. Аня рисовала. Егор молчал. И это было нормально.

— А ты вообще с кем-нибудь дружишь? — спросил он вдруг.

— С Дашей. Из моего класса.

— Ага. А я с Никитой. Но он не в курсе, что у меня дома.

— В смысле?

— В прямом. Он думает, что у меня всё нормально. Что мать просто строгая.

Аня посмотрела на него внимательнее.

— А что у тебя дома?

Егор помолчал. Потом сказал:

— Мать пьёт.

Он сказал это просто, без надрыва. Но Аня услышала, как изменился его голос.

— Я никому не говорила, — сказала Аня. — Ну, что ты сказал. Я никому не скажу.

— Знаю, — сказал Егор. — Поэтому и сказал.

— У тебя лиса красивая, — сказал он, кивая на тетрадь.

— Спасибо. Она у меня уже месяц. Никак не закончу.

— Почему?

— Не знаю. Может, боюсь, что когда закончу — будет не так, как я хочу.

Егор кивнул.

— Понимаю.

Он встал.

— Ладно. Мне пора. Мать одна.

— Ага. Пока.

Он пошёл через двор. Аня смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом.

Глава 5. Дома

Ключ повернулся в замке с третьего раза. Егор открыл дверь и прислушался. На кухне работал телевизор.

Мать сидела за столом. Перед ней стояла бутылка — почти пустая. Рядом — стакан. Она смотрела в телевизор, но глаза у неё были отсутствующие.

— Привет, — сказал Егор.

Она обернулась. Медленно.

— О. Пришёл.

— Ага.

Он прошёл на кухню, открыл холодильник. Внутри было пусто — молоко, полбатона хлеба, банка солёных огурцов. Он достал хлеб, отрезал кусок, намазал маслом.

— Ты чего не готовила? — спросил он, хотя знал ответ.

— Не хотелось, — сказала мать. — Устала.

Егор сел напротив. Жевал хлеб и смотрел в стол.

— Ты вообще собираешься что-то делать? — спросил он тихо.

— В смысле?

— В прямом. Ты опять пила.

— Я не пила. Я так.

— Я вижу бутылку.

Мать посмотрела на бутылку, как будто впервые её заметила.

— Ну и что? Я взрослая. Имею право.

— Имеешь, — сказал Егор. — Только ты не взрослая. Ты как будто... не знаю. Как будто тебе всё равно.

— Не говори так со мной.

— А как говорить? — Егор повысил голос. — Я прихожу домой, а ты тут сидишь. Каждый день. Я убираю за тобой бутылки. Я вру соседям, что ты болеешь. Я вру в школе, что у меня всё нормально. Сколько это может продолжаться?

Мать встала. Она пошатнулась, схватилась за стол.

— Не смей. Не смей со мной так. Я тебя растила. Одна. Без отца. Ты вообще понимаешь, как мне тяжело?

— А мне? — Егор тоже встал. — Мне не тяжело? Мне, по-твоему, нормально?

Он не хотел кричать. Знал, что это бесполезно. Но что-то внутри него уже не могло остановиться.

— Ты... — мать махнула рукой. — Ты такой же, как он. Такой же. Ушёл бы уже, как он.

Егор замолчал.

Он уже слышал это раньше. Слышал, как она говорила про отца: то «умер», то «ушёл», то «бросил нас». Егор давно перестал спрашивать. Не потому, что не хотел знать. А потому, что не был уверен, что она сама знает.

— Я пойду к себе, — сказал он.

В своей комнате он закрыл дверь и сел на кровать. Снял часы. Посмотрел на них. Открыл ящик стола, положил часы туда и закрыл. Потом снова открыл. Достал. Надел на руку. Потом снял. Положил в ящик. Закрыл.

За окном стемнело. Егор лёг на кровать, не раздеваясь, и уставился в потолок.

У Ани дома было тихо. Слишком тихо. Она поняла это сразу, как только открыла дверь: ни телевизора, ни радио, ни запаха ужина. Только тяжёлая тишина.

Мама стояла в коридоре. В руках у неё была тетрадь. Та самая — по геометрии, с лисой на последней странице.

— Что это? — спросила мама.

Аня замерла.

— Это... тетрадь.

— Я вижу, что тетрадь. Что это внутри?

— Лиса.

— Лиса, — повторила мама. — Ты понимаешь, что у тебя через год экзамены? А ты рисуешь лис.

Она прошла в комнату Ани. На столе лежали ещё рисунки. Мама взяла один, посмотрела.

— Аня, я тебе сколько раз говорила: школа — для учёбы. Хочешь рисовать — рисуй дома. Но не в ущерб урокам.

— Я не в ущерб. У меня нормальные оценки.

— Нормальные — это не отличные. Ты можешь лучше. Ты просто не стараешься.

Мама взяла рисунки — все, которые были на столе и на стенах.

— Что ты делаешь? — спросила Аня.

— Убираю. Пока не начнёшь нормально учиться.

— Мам, не надо. Пожалуйста.

— Аня.

— Это мои рисунки. Я их рисовала месяц. Полтора. Некоторые — с прошлого года.

— Вот когда будешь зарабатывать, тогда и будешь рисовать. А пока — учись.

Мама вышла из комнаты. Аня стояла посреди комнаты и смотрела на пустые стены. На месте, где висела лиса, остался светлый прямоугольник.

Она села на кровать. Внутри было пусто.

Утром Аня пришла в школу раньше всех. В коридоре было пусто. Она дошла до своего шкафчика, открыла его. Достала тетрадь по геометрии. Последняя страница была пуста — мама вырвала лист с лисой.

Аня стояла и смотрела на пустую страницу.

— Ты чего тут так рано?

Она обернулась. Егор стоял в двух шагах, с рюкзаком на одном плече. Вид у него был помятый — как будто он не спал.

— А ты? — спросила Аня.

— Не спалось.

— Ага. Мне тоже.

Они стояли и смотрели друг на друга.

— У тебя что-то случилось? — спросил Егор.

— Мама выкинула мои рисунки. Все. Сказала, что пока не начну нормально учиться — никакого рисования.

Егор помолчал.

— Жесть, — сказал он. — А у меня мать вчера опять напилась. Я с ней поругался.

— И что ты сделал?

— Пошёл к себе. Снял часы. Положил в ящик. Потом достал. Потом опять положил.

Аня посмотрела на его руку. Часы были на месте.

— Надел, — сказал Егор, перехватив её взгляд. — Не могу без них. Как будто часть меня.

— У меня так с телефоном, — сказала Аня. — Хотя он дурацкий. Кнопочный. Древний. Но я его прячу. Под подушку.

— Почему?

— Не знаю. Кажется, что если кто-то найдёт — будет хуже.

Егор кивнул. Звонок прозвенел неожиданно.

— Ладно, — сказал Егор. — Погнали. Увидимся.

— Ага.

Но почему-то после этого разговора Ане стало чуть легче. Как будто кто-то разделил с ней тяжесть.

Глава 6. Соревнования

Межклассные соревнования по бегу проводились каждый год в конце сентября. Стадион был старый — асфальтовые дорожки с трещинами, трибуны из деревянных скамеек. Пахло резиной и скошенной травой.

Аня стояла в строю своего класса и ждала. Ей не хотелось бежать. Но пропустить было нельзя: учитель физкультуры уже дважды предупредил, что «прогулы не принимаются».

Её забег был третьим. Второй — у параллельного класса. Аня смотрела, как ребята из «Б» выходят на старт. Егор стоял в конце шеренги. В своей серой худи, которую он, видимо, не снимал вообще никогда.

— На старт! — крикнул Виктор Сергеевич.

Ребята из «Б» выстроились на дорожке. Егор оказался на второй дорожке — почти рядом с тем местом, где стояла Аня.

— Марш!

Они побежали. Егор рванул вперёд — не самым первым, но и не последним. На повороте он споткнулся, но удержался. Добежал четвёртым.

Потом был её забег. Аня вышла на дорожку и почувствовала, как колени стали ватными.

— Марш!

Она побежала. Не быстро. Просто побежала, как могла. Ветер бил в лицо, ноги гудели, лёгкие горели. На финише она была предпоследней. Но не последней.

Она остановилась, согнулась, упёрлась руками в колени. И увидела Егора. Он стоял у края трибуны, с бутылкой воды в руке, и смотрел на неё.

Потом была смешанная эстафета. Аня бежала третий этап. На повороте она поскользнулась. Каблук кроссовки попал в трещину. Аня охнула и полетела вперёд.

Но не упала. Кто-то схватил её за руку.

Она выпрямилась, тяжело дыша. Рядом стоял Егор. Он держал её за локоть.

— Ты чё? — сказал он. — Осторожнее.

— Я... — Аня смотрела на его руку. На свою руку. — Спасибо.

— Да не за что.

Он отпустил её локоть. Но Аня ещё секунду чувствовала тепло его пальцев.

После соревнований Аня сидела на лавочке у ворот. Достала тетрадь. Открыла последнюю страницу. Пусто.

— Опять рисуешь?

Егор стоял рядом.

— Пытаюсь, — сказала Аня. — Но мама выкинула все мои рисунки. Так что... не знаю. Не могу начать.

— Почему?

— Боюсь, что опять выкинут.

Егор сел рядом. Ближе, чем в первый раз.

— Я вчера с матерью поругался, — сказал он. — Опять. Она сказала, что я такой же, как отец. Что я уйду, как он.

— А ты уйдёшь?

— Не знаю. Может быть. Когда-нибудь. Но не так, как он. Не просто свалив.

Они помолчали. Аня смотрела на пустую страницу.

— Слушай, — сказал он вдруг. — Ты это... Если хочешь, я могу... Не знаю. Поговорить с твоей мамой? Ну, что рисование — это не так плохо.

Аня удивлённо посмотрела на него.

— Ты серьёзно?

— Ну да. Я же вижу, как ты рисуешь. Это... круто. Правда.

Аня не знала, что сказать. Внутри что-то ёкнуло.

— Спасибо, — сказала она. — Но не надо. Она не поймёт.

Она взяла ручку и нарисовала на пустой странице маленькую лису. Простую, из нескольких линий. Но она была.

Егор смотрел на её руку.

— Круто, — сказал он.

Аня подняла голову. Он смотрел на неё — внимательно, без улыбки.

— Ладно, — сказал он, вставая. — Мне пора.

— Ага.

Он пошёл к воротам. Аня смотрела ему вслед. Он обернулся.

— Слушай... — сказал он. — Если что, я на связи. Ну, в смысле, в школе. Ты это... не пропадай.

— Ага, — сказала Аня. — Не пропаду.

Вечером дома она достала телефон из-под подушки. Нажала кнопку. Время — 19:47. Часы отставали на семь минут.

Она не заметила, как в папке «Черновики» появилось новое сообщение. Одно слово.

«Он».

Аня нажала кнопку. Сообщение открылось. «Он».

Она не писала этого. Она вообще не заходила в черновики.

Аня уставилась на экран. Сердце стукнуло — громко, в ушах. Экран погас.

Глава 7. Кто кому нравится

Слово «Он» в черновиках Аня больше не трогала. Два дня она просто не открывала телефон — носила его в кармане, как камень. На третий день не выдержала: залезла в «Черновики» на перемене.

Папка была пуста.

Она даже перезагрузила телефон. Черновики пусты. Сообщений нет. Входящих нет.

— Ты чё, медитируешь над этой древностью? — Даша подошла с бутылкой газировки.

— Да нет. Глючит.

— Ну так выкинь.

— Не могу. Мама дала. Если выкину — будет скандал.

— Жиза, — сказала Даша. — Слушай, а ты с Соколовым из «Б» общаешься?

Аня почувствовала, как у неё теплеют уши.

— С Егором? Ну... иногда. В столовой сидели. На соревнованиях.

— Ага. И на лавочке после соревнований. Я видела. И с Никитой, кстати. Мы с ним в одном дворе живём, с детства знакомы.

Аня кивнула.

Химия была сдвоенной. Аня сидела с Дашей за третьей партой. Чертила в тетради лису — маленькую, в углу. Получалось плохо. Рука не слушалась.

— Ты чего? — шепнула Даша.

— Ничего.

Аня отложила ручку и посмотрела в окно. Там, во дворе, старшеклассники играли в футбол. Мяч выкатился за ворота, и кто-то побежал за ним — высокий, в серой худи. Егор.

После химии Аня вышла в коридор. Там уже стоял Никита — у окна, с телефоном в руке.

— Мельникова, — сказал он, поднимая голову. — Здорово.

— Ага. Здорово.

— Слушай, а ты с Егором общаешься, да?

Аня замерла.

— Ну... иногда.

— Ага. Он про тебя говорил.

Аня почувствовала, как сердце ухнуло куда-то вниз.

— Говорил? Что говорил?

— Да так. Что ты нормальная. Что рисуешь круто. — Никита ухмыльнулся. — Он вообще про людей редко так говорит.

Аня не знала, что сказать.

— А почему ты спрашиваешь?

— Да просто, — сказал Никита. — Он в последнее время какой-то странный. Я думал, может, ты знаешь, что с ним.

— Не знаю, — сказала Аня. — Мы не так часто общаемся.

Егор в это время стоял на третьем этаже у кабинета истории. Рядом — Никита.

— А ты чё вообще к ней пристал? — спросил Егор.

— Да так, — сказал Никита. — Просто заметил, что ты на неё смотришь. В столовой. На физре.

— Я не смотрю.

— Ага. Конечно. Как я на Леру из «А» не смотрю.

Егор посмотрел на него.

— Ты на Леру смотришь?

— Ну... — Никита вдруг стушевался. — Не то чтобы смотрю. Просто она нормальная. Тихая такая. Я её в столовой видел, она одна сидела. И я подумал: вот бы с ней поговорить. Но Вика над ней ржёт, а я... не знаю.

Егор молчал. Он знал это чувство — когда хочешь подойти, но не можешь.

Вечером Аня сидела дома и пыталась делать домашку. Не получалось. Она взяла телефон. Нажала кнопку.

Черновики — пусто.

Аня уже хотела отложить телефон, но тут он тихо пискнул. Экран мигнул.

В папке «Черновики» снова было сообщение.

«Ты ему нравишься».

Аня смотрела на экран. Сердце колотилось где-то в горле.

Она нажала «Ответить». Написала: «Кто ты?» Нажала «Отправить».

Телефон пискнул: «Ошибка отправки».

Аня стёрла. Написала: «Это не смешно».

«Ошибка отправки».

Она положила телефон на стол. Встала. Прошлась по комнате. Села. Взяла телефон. Экран был тёмный.

Аня сидела и смотрела на пустой экран. «Ты ему нравишься». Она не знала, что это значит. Не знала, кто это пишет. Но почему-то от этих слов ей стало страшно и хорошо одновременно.

Глава 8. Лавочка

После уроков Аня вышла из школы и не пошла домой. Она прошла через двор к той самой лавочке у забора.

Сентябрь уже перевалил на вторую половину. Пахло сыростью и мокрым асфальтом.

Аня села, достала тетрадь и положила на колени. Она успела нарисовать только уши и морду, когда услышала шаги по гравию.

Егор стоял в двух шагах, с рюкзаком на одном плече.

— Ты опять тут, — сказал он.

— А ты? — Аня даже не подняла головы.

— Домой не хочется.

— Мне тоже.

Он сел рядом, скинул рюкзак на асфальт и вытянул ноги. Аня подвинулась, освобождая ему место.

— Я вчера с Никитой разговаривал, — сказал Егор. — Он спросил, почему мы с тобой на лавочке сидим.

— И что ты сказал?

— Что мы просто разговариваем. — Егор пожал плечами. — А он поржал и сказал, что ты нормальная.

— Спасибо. Прямо бальзам на душу.

— Я не то имел в виду. Просто Никита редко про кого-то так говорит.

Аня хмыкнула. Она снова уткнулась в тетрадь. Линия получалась кривой.

— Ты чего? — спросил Егор.

— Да так. — Аня вздохнула. — После того, как мама выкинула рисунки, я не могу рисовать. Как будто что-то сломалось. Раньше я просто рисовала. А теперь сижу и думаю: а вдруг опять выкинут? И рука не слушается.

— Жесть, — сказал Егор. — Как будто тебя стирают. По кусочкам.

Аня посмотрела на него. Она не ожидала, что он так точно сформулирует.

— Ага. Именно так.

— А ты чего боишься? Ну, кроме того, что дома плохо.

Егор снял часы. Повертел в руках. Надел обратно.

— Что я стану как она. Что буду пить. Или что уйду, как отец. Просто сбегу. Не выдержу.

Аня удивлённо посмотрела на него.

— Ты же говорил, что он умер.

Егор поморщился.

— Говорил. Мать иногда говорит, что он умер. А иногда — что ушёл. Когда пьяная. Я уже не понимаю, где правда. Может, он уехал, а она всем сказала, что умер. Может, наоборот. — Он пожал плечами. — Я спрашивал один раз. Она начала кричать, а потом плакать. Больше не спрашиваю.

Аня молчала.

— Я не хочу так, — сказал Егор тише. — Не хочу просто взять и исчезнуть из её жизни. Но иногда думаю: а вдруг я не выдержу? Вдруг сбегу?

— Я так не думаю, — сказала Аня.

— Знаю. Поэтому и говорю.

— Слушай, — сказала Аня. — А ты когда-нибудь думал, что родители тоже боятся?

— В смысле?

— Ну, твоя мать. Она же не просто так пьёт. Она боится, что ты уйдёшь. Как отец. Поэтому и пьёт.

— А моя? — спросила Аня.

— Твоя боится, что ты вырастешь и уйдёшь. Что станешь не такой, как она хочет. Поэтому контролит. Думает, что если всё контролировать — всё будет хорошо.

— Я не хочу её понимать, — сказала Аня тихо. — Я хочу, чтобы она просто отстала.

— Ага. Я тоже не хочу понимать свою. Но понимаю. Иногда. И это бесит.

Аня посмотрела на телефон. Достала из кармана. Нажала кнопку. Время — 16:47. Черновики — пусто.

Егор проследил за её взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.